

Сатанин Леонид Александрович

врач-нейрохирург детский, научный сотрудник НМИЦ нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко, кандидат медицинских наук

Воспоминания о научном руководителе, учителе и уникальном человеке – профессоре Рогинском Виталии Владиславовиче

Преддверие празднования 80-летия Великой Победы было омрачено трагическим известием: на 90 году жизни от нас ушел выдающийся ученый, профессор Виталий Владиславович Рогинский. Прощание от проходило 7 мая 2025 г. в его родном городе Конаково Тверской области. Отпевание состоялось в старинном храме, похороны – на старом кладбище в родовой усыпальнице.

Проводить в последний путь В.В. Рогинского собралось очень много людей: были родственники, многочисленные ученики и коллеги, друзья и соседи. После поминок родственники Виталия Владиславовича организовали посещение дома В.В. Рогинского. Больше напоминая музей, чем пристанище пожилого человека, обстановка дома еще хранила в себе атмосферу, в которой жил и работал профессор. В каждой комнате были рабочие столы с разложенными рукописями и книгами – свидетельствами того, что он работал до последних дней жизни. Уезжая вечером после похорон из Конаково, я поймал себя на мысли, что на душе были не тяжесть и мрак траура, а есть светлая грусть и умиротворение. И это, на мой взгляд, связано с личностью усопшего, его неординарностью и невероятной позитивностью.

С профессором меня познакомил 30 лет назад мой наставник, детский нейрохирург, к.м.н. Ананов Михаил Владимирович, который вместе с В.В. Рогинским проводил совместные операции в НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко. Еще студентом мне разрешали присутствовать и принимать участие в сложнейших операциях у детей с пороками развития лица и черепа. Тогда только набирала обороты в нашей стране новая специальность – детская краниофациальная хирургия. Каждая такая операция была событием для нашего отделения. Некоторых пациентов оперировали в условиях отделения челюстно-лицевой хирургии, располагавшегося на базе детской Русаковской больницы, ныне больницы Св. Владимира. Уже тогда Виталий Владиславович и Михаил Владимирович предложили мне заняться разработкой темы по фиброзной дисплазии костей свода и основания черепа у детей. Примечательно, что это была одной из любимых тем профессора, изучению которой были посвящены его кандидатская и частично докторская диссертации. А одно из клинических наблюдений, когда в результате серии операций шеф практически превратил монстра в нормального здорового человека, вызывало восхищение многих его коллег! Таким образом, мне была доверена интересная и актуальная работа, которую я, хоть и не быстро, но завершил, при этом разработав новый на тот момент метод лечения пациентов. К сожалению, наша

совместная работа была прервана скоропостижной и трагической кончиной моего непосредственного наставника М.В. Ананова в 1998 г. Это произошло в момент окончания мной медицинского института, перед поступлением в ординатуру НИИ нейрохирургии. Тем не менее, Виталий Владиславович оказал мне поддержку, предложив поступление в ординатуру по челюстно-лицевой хирургии, и несмотря на то, что я принял решение обучаться в ординатуре по нейрохирургии, он не оставил меня и позволил продолжить заниматься краниофациальной хирургией, стал моим научным руководителем после поступления в аспирантуру.

В 1998 г. он поддержал наше участие во 2-ом Всероссийском съезде нейрохирургов, который проходил в Нижнем Новгороде. Впервые подводились итоги совместной работы двух клиник за 10 лет. Несмотря на то, что Виталий Владиславович задолго начал готовиться к выступлению, основная работа над докладом проводилась в ночь перед конференцией. На данном съезде, по-моему, впервые были представлены видеофрагменты операций, их тогда еще демонстрировали на телевизоре. В номере отеля на берегу Волги шеф из огромной сумки одну за другой извлекал многочисленные коробки, в которых были сотни пластиковых слайдов. В течение всей ночи мы перебирали эти коробки, просматривали материалы и компоновали их по структуре доклада. После бессонной ночи мало что сохранилось в памяти, но точно помню, что доклад прошел великолепно!

Предстояла обратная дорога в Москву. Путь был неблизкий, а Горьковское шоссе тогда было в плачевном состоянии. И вот, усевшись в свои любимые классические «Жигули» и неизменно постелив на колени бархатную тряпочку, чтобы руль не задевал брюк, Виталий Владиславович и я отправились в Москву. Весь обратный путь шеф вел непрерывный монолог. И он совсем не касался увиденного на конференции, не затрагивал вопросы хирургии. Все, что занимало Рогинского в тот момент, была охота. Ах, как жаль, что в моем распоряжении не было тогда диктофона, да и какой диктофон мог бы вместить многочасовой монолог! Помню, что это был интереснейший рассказ об охоте на медведей. Шеф рассказывал все с неимоверной детализацией. Он знал, как казалось, все о природе этих хозяев леса, восхищался умом этих зверей, знал все их повадки и способы их нападения. Наиболее яркий фрагмент заключался в том, что во время многодневной охоты группа охотников, в которой был шеф, поняла, что не они добывают зверя, а медведь устроил охоту на них! Медведь хитроумно петлял по лесу, и в результате не он, а охотники стали преследуемыми. Слава Богу, для них все закончилось успешно, и зверь был добыт. Длинный путь до Москвы пролетел незаметно, а рассказы Рогинского своей увлекательностью затмили впечатление о недавно прошедшей конференции…

Виталий Владиславович был профессиональным преподавателем, учителем. Это было у него в крови. Оказавшись в окружении хотя бы 2-х слушателей, шеф «включал» профессора, и начинал «читать лекцию», всегда вызывая искреннее восхищение. Причем это касалось любой темы, не только связанной с медициной. Он обладал широким кругозором и энциклопедическими знаниями, всегда мог найти тему для разговора с собеседником и увлечь его.

Рогинский имел особый подход к детям. На моей памяти не было ни одного пациента, который под действием природного обаяния профессора, отказался бы отрыть рот или не позволил пропальпировать болезненное образование. Шеф искренне любил детей, и они платили ему тем же. На консультациях он умел глубоко вникнуть в проблему, с которой к нему приходили родители па-

циентов, найти способ ее решения, зачастую неординарный.

Шеф был великолепным хирургом! Работал всегда быстро, уверенно, стремительно! К каждой операции предварительно готовился. Обладал невероятной харизмой. С его появлением в операционной всем присутствующим становилось понятно – все будет хорошо и операция завершится успешно! Когда Рогинский подходил к операционному столу с видом богатыря, облаченного в белые одежды, казалось, что испугавшиеся его уверенного вида опухоли сами покидали тела своих несчастных обладателей, а кровоточащие сосуды под действием его взгляда прятались и прекращали кровоточить. И только пот, неизменно выступавший у него на лбу, промакиваемый стерильной салфеткой, зажатой в инструмент или лихо вытираемый о плечо ассистентов быстрым движением головы профессора, выдавал невероятное напряжение, которое он испытывал за внешней легкостью работы.

В отечественную медицину Виталий Владиславович внедрил множество новых технологий. Это и дистракционные методы выдвижения костей лицевого скелета, и стереолитография, и краниальное ортезирование, и биодеградируемые и композитные материалы, и медикаментозное лечение сосудистых мальформаций, и многое другое. Совместно с московской фирмой «Конмет» шеф разработал много устройств, в том числе и дистракционных аппаратов. После операционного дня он с учениками ехал на производство и участвовал в многочасовых дискуссиях с инженерами-разработчиками. В начале нулевых В.В. Рогинский сказал мне: «Через некоторое время при помощи дистракторов будут менять весь череп ребенка». Я посмотрел на него с недоверием: «Ну есть сейчас первоначальное воодушевление от новой методики, но чтобы менять весь череп... Это чересчур». Однако, не прошло и десяти лет, как были поставлены на поток дистракция краниофациального моноблока, затылочная дистракция, билатеральная дистракция свода черепа – все то, что так недавно

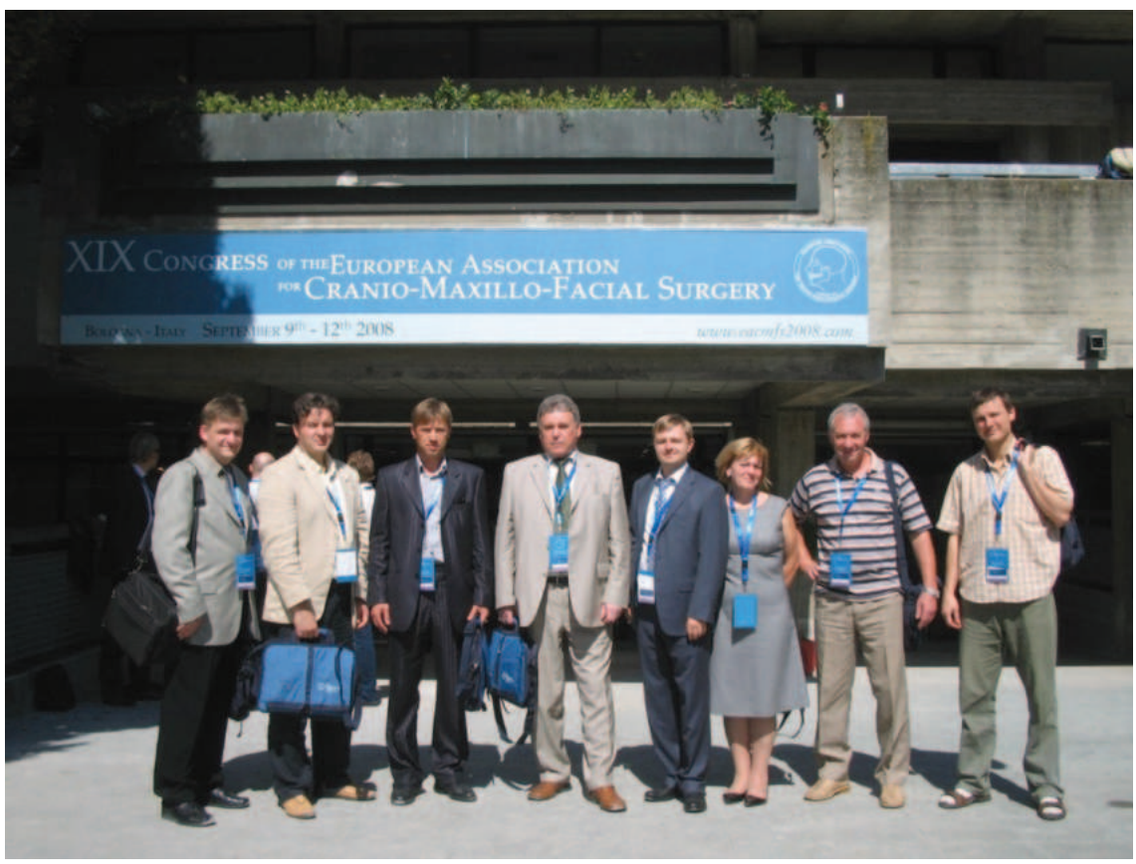

В.В. Рогинский и Л.А. Сатанин на IV съезде нейрохирургов России. 2006 г.

предвосхищал профессор.

Отдельного внимания заслуживало появление методик быстрого прототипирования и его варианта стереолитографии, которую одним из первых в нашей стране внедрил в клинику Виталий Владиславович. В России еще только стали появляться первые спиральные компьютерные томографы, которые позволяли получить трехмерное изображение костей и мягких тканей головы, когда Рогинский стал использовать в клинике изготовленные из пластика реальные физические модели костей черепа. Во многом этот метод изменил представление врачей о патологии и позволил проводить планирование и предоперационное моделирование операций. Вскоре на основе этой технологии было налажено изготовление индивидуальных имплантатов, при помощи которых проводилось замещение области отсутствующих костей. Все, что сейчас рутинно используется в клинической медицине, еще недавно было результатом напряженных научных изысканий профессора. К сожалению, результаты плодотворной научной деятельности шефа, на мой взгляд, не были по достоинству оценены ни Российской Академией медицинских наук, ни Минздравом….

Много читая и работая с научной литературой, Виталий Владиславович неизменно бережно относился к русскому языку. У него всегда возникали претензии, если кто-то пытался использовать новомодные англоязычные термины. Помню, сколько дискуссий и споров вызывали термины «мальформация», «аномалия», «порок развития» и т.п. Шеф всегда заставлял учеников провести подробное исследование этимологии каждого термина и потом выбирал для использования наиболее подходящий. Рогинский всегда с трепетом относился к точности формулировок в научных текстах. Особенно к названиям работ. Не допускал использования жаргонизмов. Например, прекрасно из-

Наша команда во главе с В.В. Рогинским на конгрессе в Болонье, Италия. 2008 г.

вестно, что нужно лечить человека, а не болезнь. И, тем не менее, в медицинской литературе постоянно встречаем: «лечение травмы», «лечение опухоли», «лечение зуба» и т.д. В.В. Рогинский всегда говорил: «Нельзя писать и говорить: лечение сотрясения головного мозга. Вот Вы лечили и вылечили сотрясение головного мозга. Теперь сотрясение здорово!». Шефа всегда удивляло использование термина, широко используемого в нейрохирургии – «реконструкция дефекта черепа», что, по его мнению, значило – «дефект как был, так и остался, его изменили, перестроили, реконструировали». Он считал правильным писать – «устранение костного дефекта черепа».

Виталий Владиславович был ученым с мировым именем. Он был знаком с основоположником краниофациальной хирургии Полем Тесье, дружил со многими выдающимися хирургами: Маршаком, Б. Молиной, Д. Гудричем, А.В. Арно, Селье и др.

В.В. Рогинский много путешествовал, посещал зарубежные клиники, участвовал в конференциях. Из таких поездок профессор неизменно привозил новые идеи, методы, книги и инструменты. Общение с зарубежными коллегами, обмен опытом, несомненно, были дополнительным стимулом к развитию дисциплины, длительное время возглавляемой им.

Одним из важных вопросов, которым занимался шеф долгие годы, была комплексная реабилитация пациентов детского возраста с пороками развития краниофациальной области. В.В. Рогинский активно выступал и пропагандировал идею о том, что до завершения детского возраста пациент с дефектами лица и черепа при помощи хирургии должен быть полностью реабилитирован для дальнейшей полноценной взрослой жизни. Для достижения этой цели им предлагался комплекс методов с вовлечением в координированный процесс множества специалистов медицины различного профиля. Этот принцип в течение трех десятилетий активно применялся в работе Московского центра детской челюстно-лицевой хирургии и показал свою эффективность.

Шеф был разносторонним человеком. Помимо любимой охоты и рыбалки он писал стихи и опубликовал два сборника. Его волновали вопросы философии, бытия, религии. Надо сказать, что по настоящему верующим человеком он стал в последние годы. Хочется верить, что появление на свет долгожданных детей и обретение семьи оказало на это особое влияние. Было радостно наблюдать, когда после многочасовой операции Рогинский, уже будучи немолодым человеком, звонил домой и долго выспрашивал, какое питание, памперсы и прочее нужно ему купить и привезти… В последние годы в неформальной обстановке, среди коллег он не раз поднимал вопрос о смысле жизни. Ему хотелось, чтобы каждый попробовал выразить это понятие одной фразой. И после многочисленных, часто сомнительных попыток коллег, он выдвигал одну, наиболее соответствовавшую его мировосприятию формулировку. Не знаю, он ее сам предложил или где-то позаимствовал. Она гласила: «СМЫСЛ ЖИЗНИ: ПОСТАНОВКА И ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ». Когда мы были в день прощания в его доме, увидели именно эту фразу, крупными буквами выгравированную на самом видном месте…